

А. В. Голубев¹**«МИРОВАЯ С МЕДВЕДЕМ»: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДА**

Образ России на Западе (куда российское сознание обычно включает страны Западной и Центральной Европы и Северной Америки), а также образы Запада в России — тема многих исследований. В разные эпохи, в различных регионах эти представления претерпевали существенные изменения. Но есть одна довольно устойчивая тенденция, которую мы и попытаемся проследить в историческом контексте на примере внешнеполитических стереотипов.

Как известно, в критических ситуациях не только общественность, но и значительная часть политической элиты, не успевая воспринимать и осмысливать все нарастающий поток новой информации, автоматически начинает руководствоваться прочно и давно усвоенными примитивными стереотипами. Как показали недавние события на Кавказе, Украине, Ближнем Востоке, когда речь заходит о России, эти автоматически воспроизводимые на Западе стереотипы являются большей частью негативными.

Впрочем, и в российском массовом сознании, как и в сознании элиты, в аналогичной ситуации воспроизводятся подобные представления о Западе, восходящие не только ко временам холодной войны, но и к намного более ранним.

Современная Россия с точки зрения своего внешнеполитического имиджа, как и во многих других отношениях, является преемницей не только СССР, но и Российской империи, и даже Московской Руси. Если остальные постсоветские республики в 1991 году начали формировать свой имидж «с чистого листа» (одни из них никогда не были самостоятельными государствами, другие были таковыми слишком давно или слишком недолго), то Россия унаследовала все исторически сложившиеся негативные внешнеполитические стереотипы, относившиеся к предшествующим периодам истории государства.

Формирование антироссийских стереотипов начинается не позднее XV–XVI веков. Прежде всего важную роль здесь сыграла политика Польши (позднее — Речи Посполитой), которая претендовала на контроль над Восточно-Европейской равниной и вследствие этого была крайне заинтересована в том, чтобы в данном противостоянии Запад оставался на ее стороне в борьбе против «московского варварства».

Но намного более важным фактором явилось само «открытие России» первыми представителями Запада, которые руководствовались «античной матрицей», закреплявшей за Востоком статус варварской и враждебной Европе территории. «Иное» в результате автоматически воспринималось не только как «варварское», но и как враждебное.

Конечно, «античная матрица» действовала и в отношении других стран — Оттоманской империи, Персии, Китая. Но применительно к России ее действие усиливалось своеобразным «синдромом обезьяны». Суть его проста: слон или кенгуру, например, настолько не похожи на нас, что вызывают скорее удивление. Обезьяна же воспринимается именно как пародия на человека и может вызвать либо смех, либо отвращение.

Российская цивилизация в глазах Запада была «почти европейской» и «почти христианской», и именно потому к ней предъявлялись намного более высокие требования, чем к иным, экзотичным, культурам. Р. Киплинг выразил это отношение афористично в своем стихотворении «Мировая с Медведем», в котором рефреном повторялось строка: «Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы» (в переводе А. И. Оношковиц-Яцына).

В эпоху Петра Европа была склонна с большей снисходительностью относиться к Российскому государству, хотя русская культура в целом продолжала считаться варварской, за исключением Петербурга. Архитектуру же допетровской Руси относили в лучшем случае к азиатской (характерно, что французы в 1812 г. считали московские церкви мечетями), чаще же вообще не признавали явлением искусства.

Возросшая роль России в Европе после победы над Наполеоном привела к резкому ужесточению ее негативного восприятия не только в культурном, но и в политическом отношении. Она теперь представлялась не только как отсталое и потенциально враждебное государство, но и как непосредственно угрожающее Европе. Квинтэссенцией подобного восприятия Российской империи явилась книга де Кюстина (1839); апогея же ее негативные оценки достигли в эпоху Крымской войны.

Однако после Крымской войны ослабленная и униженная Россия уже не казалась угрозой, к тому же в ней начались серьезные реформы, казалось бы, приближающие ее к западному обществу. А затем в Европе стали возникать различные коалиции, каждая из которых была заинтересована в новых союзниках. Да и русская культура постепенно «завоевывала» Европу.

Накануне и в ходе Первой мировой войны отношение к Российской империи как к важному союзнику в странах Антанты быстро менялось в лучшую сторону. Россия же советская вызвала прежде всего вспышку инстинктивной вражды, но затем — обостренный интерес, поскольку в конце 1920-х — 1930-х годах предложила охваченной кризисом Европе многообещающую альтернативу. Отсюда сравнительно лояльное восприятие Западом сталинского режима.

¹ Руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, кандидат исторических наук, доцент. Автор около 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» (в соавт.), «Взгляд на землю обетованную: из истории советской культурной дипломатии», «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е годы», «Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн» (в соавт.), «Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг.» (в соавт.), «Подлинный лик заграницы»: Образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг.»; ряда учебных пособий и художественных произведений. Главный редактор серии сборников «Россия и мир глазами друг друга».

Победа над фашистской Германией привела к новому росту внешнеполитического могущества СССР и его мировой популярности. Но одновременно началась холодная война, сопровождавшаяся воспроизводством внешнеполитических стереотипов XVI–XIX веков.

Перестройка вызвала повышенный и в целом благоприятный интерес к СССР. На фоне этого интереса и попыток советского руководства улучшить свой имидж негативные стереотипы прошлых лет на время потеряли актуальность.

А вот 1990-е годы в этом отношении оказались потерянными временем. Постсоветская Россия уже не представляла собой явной угрозы Западу, и привычные стереотипы оставались на втором плане. Однако претензии России на хотя бы частичное восстановление прежнего международного статуса вновь привели к их оживлению. Неудивительно, что постепенное охлаждение отношений Российской Федерации и Запада на протяжении 2000–2014 годов в настоящее время почти достигло «точки замерзания».

Проблема корректировки российского имиджа на Западе не имеет простых решений, и далеко не все здесь зависит от самой России. Конечно, демократизация политической жизни страны, рост благосостояния граждан, снижение уровня коррупции могут прибавить позитива в восприятии Российского государства. Однако необходима целенаправленная политика, использующая в качестве ресурса колоссальный культурный и человеческий потенциал страны. Осуществление не только осторожной и взвешенной внешней политики, но также рациональной и целенаправленной культурной дипломатии — необходимые условия улучшения имиджа государства.

Заметим, что «антизападные» стереотипы россиян касаются США, Великобритании как традиционно-го соперника России, Германии как противника в двух

мировых войнах, Польши в силу исторического наследия... А большинство европейских стран или Канада вызывают либо симпатию, либо просто безразличны россиянам. Однако антироссийские стереотипы существуют в любой западной стране.

На этом фоне происходят и иные, противоположные процессы. Многообразие источников информации, плюрализм в западных СМИ, возможность реальных контактов и просто смена поколений ведут к тому, что процесс размывания старых стереотипов ускоряется и Россия теряет свою «мифологическую составляющую», по крайней мере среди части западного общества.

Вместе с тем вышесказанное отнюдь не отменяет закономерностей стереотипизации как массового, так и индивидуального сознания. Вопрос о том, в какой степени возможно освободиться от стереотипов, остается открытым. Если речь идет о преодолении всех стереотипов как формы мышления, то это, конечно, невозможно. В то же время в отдельных узких (профессиональных) сферах деятельности их влияние может быть сведено к минимуму. Что касается массового сознания, тут можно говорить лишь о преобладании на данном этапе тех или иных тенденций.

Подведем итоги. Если в последние десятилетия при всей сложности общественно-политической и социально-экономической ситуации в массовом сознании российского общества происходило постепенное размывание многовековой мифологической составляющей образа Запада (сейчас, к сожалению, происходит обратный процесс), то подобные процессы на Западе протекали и протекают намного медленнее. Старая традиция преимущественно негативного восприятия России, прежде всего в сфере внешнеполитических стереотипов, пока никуда не исчезла. Она никогда не была всеобъемлющей, но тем не менее в современном западном сознании по-прежнему является определяющей.